

ON THE HISTORY OF THE KUZNETSK TATAR-MISHAR GROUP FORMATION

Frid Ainievich Rashitov,

Saratov Socio-Economic Institute (Branch)
of Plekhanov Russian University of Economics,
89 Radischev Str., Saratov, 410003, Russian Federation,
rashfa@mail.ru.

The article deals with the particular historical circumstances and events related to the resettlement of serving Tatars and murzas from the Temnikovsky, Penzensky, Insarsky, Saransky and other districts of Verkhneye Posuriye on the rivers of Kadada, Uza, Truev and some others in the late 17th and early 18th centuries. The study focuses on the history of villages Truevskiy Vershiny, Tatar Kanadey, Inderka and Bestyanka. The conducted analysis gives the grounds to conclude that by the middle of the 18th century a special ethnic group of Tatars-Mishars, later known as Kuznetsk Group, had been formed on the aforementioned territory. In the 19th and early 20th centuries this group occupied a prominent place in the Tatar community of the Saratov province.

Key words: Tatars – Mishars, Kuznetsk Group, revisions, Uzinsky camp.

Mishars are one of the subethnicities of the Volga-Ural Tatars' ethno-territorial group [Tatars, p. 14–16]. The formation of Mishars as an ethnic community took place on the territory named Meshchera or Meshcherskaya Land.

A number of researchers associate ethnogenesis of this community with the Turkic-speaking tribes of Burtases and ancient Kipchaks [Polesskikh], [Makhmutova], [Mukhamedova], [Orlov]. This process dates back to the 11th and 12th centuries. According to the researchers, this process was completed in the time of the late Golden Horde and post-Golden Horde period (the 15th – 16th centuries).

Ethnic processes took place in Meshchera where numerous Turkic, Ugric-Finnish and Slavic tribes and ethnic groups interacted with each other within the stated time period.

Neighboring medieval states, such as Khazar khaganate, Volga Bulgaria and Kievan Rus influenced and had claims for Meshchersky lands. In the 13th – 14th centuries, these lands were under total control of the Tatar state, the Golden Horde. On the bank of the river Mokhsha Khan Uzbek created special ulus, and the city of Naruchad / Mokhsha became the center for minting coins.

The Golden Horde's weakening began in the second half of the 14th century. This process eventually led to fragmentation and disintegration of the Horde. Owing to this process, the basins of the rivers Tsna, Mokhsha and others were penetrated by representatives of the Horde nobility. The names of Bakhmet Useinovich Shirinsky, Tagay, Sekizbey and Bekhan are mentioned in various sources. The latter one owned the city of Temni-

kov and the lands around it. The newcomers mingled with the local Turks who lived here, namely, Burtases, Mozhars, Kipchaks.

At about the same time (in the second half of the 14th – 15th centuries), Russians actively colonized the region. Over a relatively short time period, local population (Mordva and Tatars-Mishars) became the minority on Meshchera [Mukhamedova, p. 32]. Tatar princes had to contact with the neighboring Russian principalities, that is, Ryazan and Moscow ones. As a single Russian (Moscow) state was formed at the end of the 15th century, these contacts became of vassal nature for the Tatar princes. In the middle of the 15th century, the Kasimov khanate, a vassal Tatar state, appeared on the mean flow of the Oka River by the will of Moscow princes. The Moscow state tried to bring the Tatar princes of Meshchera on its side. They were used to protect the southern and south-eastern borders of the Russian state. These Tatar princes were attracted to the service, being endowed with additional land and inherited estates. In the 16th century, Ivan the Terrible, guided by political considerations, invited Tatar feudal lords from the Great Nogai Horde.

The serving Tatars of Meshchera turned out to be very useful for Russia in protecting its most vulnerable southern frontiers. They participated in building the border line established in 1578, which ran along the Alatyr river through Temnikov to the Kadom outpost. They also provided guard service along the Alatyr – Arzamas – Temnikov line.

The work on protecting southern frontiers of the state with active expansion into the “wild field” intensified, especially in the 1630s and 1640s.

Several border guard lines were built on the vast territory between the cities on the middle Volga (Tetyushi, Simbirsk) and the fortresses on the Tsna and Moksha Rivers. Serving Tatars from Temnikov and Kadoma took the most active part in this matter. Estates and cut lands were allocated to them on these lines. Dozens of Tatar villages appeared near Kerensk, Insar, Saransk, Karsun and Simbirsk.

A new phase of the Tatars-Mishars' resettlement on free lands to the south of Meshchera is associated with the building of a new line from the city of Syzran on the Volga to Penza on the Sura River. The city of Syzran was founded in 1683. It was built by entrepreneurs from Kazan, Tetyushi, Simbirsk, Cheboksary and other places.

In 1685 young kings Ivan and Peter Romanovs issued a decree that read: "For the purpose of protection from the military people's arrival we order to build a new border line 70 versts 342 sakhens long from the Cossack Mountains (near Syzran – F. R.) to Turaev settlement and to the Sura river behind the old Simbirsk and Karsun line and to make 4 towns on that new line". Thousands of "working people" and entrepreneurs from many northern districts of the Middle Volga region were sent to the construction site. They were gathered in Syzran. Turaev town was built at the other end of the "line" on the Sura River. This huge group of people included many serving Tatars from Temnikov, Kadom, Insar, Saransk, Kasimov.

In 1686 the previous decree was canceled and the work on the border line stopped. Only two towns were completed: Kashpir township near Syzran (1687) and Turaev (1689). The serving Tatars that had been driven in for building were awarded either the land on this line and to the south of it ("behind the revetment") in addition to the old homeland estates in Temnikov, Kadom, Saransk, Simbirsk and other districts, or salaries. At the same time, they had to select the "free land" in the wild field by themselves and then turn to Moscow with a petition, asking about transferring this land into possession.

The land distribution according to the local law in the upper flow of the Sura River on its tributaries of Truev, Kadad, Uz and others dates back to the eighties of the 17th century, that is, the time of building Syzran-Turaev town on the border line.

Serving Tatars, united in groups of 40–50–60 people, were engaged in this activity. This allowed them to settle into one place immediately, to establish their village and start cultivating the land right

after receiving the gift certificate. The settlements turned out to be mono-ethnic.

The earliest settlement of the Tatar-Mishars in this area is Yeluzan village on the Kadada River, the left tributary of the Sura. On September 5, 1680 (1682 according to the Julian calendar) the enfeoffment letter "for the free land of the wild field" was issued to the Temnikov inhabitants Almamet murza Akmamatov, Dulatov's son, Araslan Akbulatov, Ilevleev's son, as well as to the Saransk service Tatars Mustay Ismailov, Kurmashev's son, and Bikchurak Bulatov, with "brothers and comrades", that is, 41 persons total, [Mardanov, p. 59–60]. Subsequently, three Tatar villages were formed on these lands: Lower, Middle and Upper Yeluzan.

In the following year of 1683 a village was founded by Saransk serving Tatars at the confluence of the Uza River into the Sura River. The village was named Ust-Uza.

Two years later, in 1685, a group of Temnikov Tatars and murzas led by Aleimurza Smolyanov, Bichurin's son, and by Semeneimurza Isheev, Yenikeev's son, received estates in Penza district on the Kadada River with the tributaries of Kryazhim and Tutnyar [GASO. L.5–6 ob.]. Pendelka village was founded there.

The generous awards of the free land to serving murzas and Tatars continued in the following years. Russian noblemen and peasants, Mordovians and Chuvashs also participated in cultivation of these remote lands. Several dozens of villages and settlements emerged, having formed the Uzinsky camp of Penza district. At the time of the 1st revision of the Russian Empire taxed population the Uzinsky camp included 13 Tatar villages [Golombievsky].

In the period between 1st and 2nd revisions (1743–1747) 8 more Tatar villages appeared in this area. At the end of the 18th century the absolute majority of these villages became a part of Kuznetsk district formed in 1780 by Saratov governorship (Saratov province from 1797). Experts consider the Tatar population of this and the neighboring Petrovsky districts of Saratov province to be the Kuznetsk group of the Tatars-Mishars [Mukhamedova, p. 47].

Further in our research we will try to consider some particular historical features of forming the mentioned ethno-territorial group studying the example of several Tatar villages of the present Kuznetsk district of Penza region. So far his area of Tatar historiography has not been studied thoroughly. In volume No. 5 of the seven-volume academic work "The History of Tatars from Ancient Times"

the ethnic community of the Tatars-Mishars is mentioned separately among Volga-Ural Tatars of the 16th – 17th centuries in the paragraph, devoted to the topic “Ethno-territorial and ethno-cultural groups of Tatars and their interaction” (by D. M. Iskhakov). However, according to the content of chapter 1, section 3 on the settlement of Tatars in the Volga-Ural region and Siberia in the 18th century, the analysis of ethnic processes in Meshchera is limited mainly to Temnikov, Kadom, Shatsk, Saransk, Simbirsk districts. As for the southern areas of Penza district, the author of the chapter (D. M. Iskhakov) does not go further than ascertaining the fact that “at the beginning of the 18th century there were already more than a dozen of Tatar settlements in these places” (along the rivers Uza, Kadada, etc. – F. R.) [Istoriia tatar., 2015, p. 300]. Only several of these settlements are named. These are Kuncherovo, Bigieevo, Demino, Pendelka. That is all. The formation of Kuznetsk group of the Tatar-Mishars is not mentioned at all. Not a single word is said about the Tatar settlements to the south of Syzran, on the rivers Tereshka, Izbalyk, Kulatka. But it is in this region that a rather significant Hvalynsk (Kulatkinsk) group of the Tatar-Mishars was also formed in the 18th century.

The authors of volume 6 on the history of Tatars in the 19th and early 20th centuries tried to correct the flaws of their colleagues to some extent. The paragraph on the Tatar colonization of the Lower Volga region (written by V. Viktorin and L. Arslanov) provides information about the foundation of a number of Tatar villages in the future Kuznetsky and Petrovsky districts of Saratov province at the beginning of the 18th century, namely Upper, Middle and Lower Yeluzan, Ust - Uza, Yakovlevka, Old Vershauta, Tatar Pakayevka [Istoriia tatar..., 2013, p. 106]. Unfortunately, this information is fragmentary and incomplete, in some cases even inaccurate. For example, the claim that the village of Yakovlevka was founded by immigrants from the village of Yeluzan is incorrect. In fact, they came from the village of Kuncherovo. It is also not true that Altata village in the steppe of Trans-Volga region was founded in 1840 by people from Ust-Uzavillage of Petrovsky district [Ibid.]. The fifth revision of the taxed population, conducted in 1795, registered 120 males in Altata village of Saratov district, and the overwhelming majority of them moved from Atlash and Mastyak villages of Khvalynsk district, as well as from Great Truevsky peaks and Bolshoy Chirkley villages of Kuznetsk district [Khabibullin, p. 30–31]. Among them there were also people from Ust – Uza.

The main disadvantage of the authors' approach to the history of the Kuznetsk and the Hvalynsk Tatars-Mishars is that they consider these ethno-territorial groups not as a special, independent subject of research, but only as a kind of intermediate, auxiliary point in the analysis of the problem that is the focus of their attention, that is, the Tatar population migrating from northern districts on the lower reaches of the Volga and forming the Astrakhan group of the Tatar nation.

The situation is different when it comes to the works devoted to the Tatars-Mishars specifically ([Makhmutova], [Mukhamedova], [Orlov]). While the content of R. G. Mukhamedova's monograph is purely ethnographic, the preface is historical and ethnographic; it is concise, but very interesting and informative [Mukhamedova, p. 25–28]. In the annexes the readers can find a list of Tataro-Mishar settlements on the right bank of the Middle Volga [Ibid., p. 279–282].

One can hardly overestimate the importance of the recent local history studies devoted to the individual Tatar villages for the Tataro-Mishar historiography. The most recent ones include the book by Z. A. Abuzyarov about Aleeve village of Neverkinsk District of Penza Region, the books by R. T. Mardanova, and N. B. Kitaeva about Srednyaya Yeluzan village of Gorodishchensky District of Penza Region, the works by R. H. Abdullina and F. F. Abdullina about Inderka village of Sosnovoborsky district of Penza region. The author of the present article has recently published a book on the history of the villages Bolshoi and Maly Truev and Tatar Kanadey of Kuznetsk District of Penza Region [Rashitov].

To accomplish the objective of this study we used the documents found in the Russian Archive of Ancient Acts (RGADA) and the State Archive of Saratov Region (GASO). The materials of the 2nd, 3rd (1862–1863) and 4th (1782) revisions are of particular importance. The focus of our attention is the villages of Great and Small Truevsky peaks, Tatarsky Kanadey, Inderka and Bestyanka of Kuznetsk district of Saratov province.

A rejection certificate was found in the Russian State Archive of Ancient Acts. It states that in 7200 (1692) a group of Tatars from Saransk and Temnikov presented a petition to great Moscow sovereigns Ivan Alekseevich and Peter Alekseevich with a request to "refuse" allocation of the free land in the tracts on the rivers Truev and Kanadey. Among the petitioners there were Bibakai Bukhtin from Saransk and Bikmamatka Aliyev

with comrades from Temnikovsky district [RGADA. F. 1209. Op. 2. D. 6506. L. 157–158].

Another document dated by December 30, 7202 (1694) mentions that Luka Popov, the clerk of the Saransk mandative hut, was sent to the rivers Truev and Kanadey to survey the tracts following the Saransk and the Temnikov Tatars' petition [Ibid., l. pp. 159–161]. Another document dated by December 1700 deals with the exchange of granted land possessions between the Temnikov inhabitants: Mamedalei Kudaberdeyev from Endovishche village and Asan Ismailov from Isenskiye Polyanki village. It is indicated that Mamadalei's exchanged place was situated on "the Truev river from the peaks through the forest down to the Truev, the right side to the Yevlashev line, and along the Mossy swamp, the right side situated along other tracts" [Ibid, pp. 163–164]. Mamadalei gave Asan 25 quarters in the field for the price of 25 rubles, "a v dvupotomuzh" (that means 2 more fields for each quarter according to the Russian ancient three-field farming system), "with hay mowing and with the yard estate, with the garden and with the barnyard..." [Ibid., l. 163–163ob.].

According to the abovementioned documents the mine of the free land in the tracts on Truev peaks and Kanadey by Temnikov and Saransk Tatars, as well as their settlement on these lands took place over the period from 1692 to 1700. It is difficult to say when houses and courtyards of the first settlers appeared there. We may assume that the resettlement of Tatar villagers of Temnikovsky, In-sarsky and Saransky districts to the newly chartered land took place not at once, but gradually. It probably ended in the summer of 1700.

It should be noted that all the work on exploring the tracts and settling Tatars on the Truev and the Kanadei was carried out through the Saransk mandative hut. Among the settlers there were many immigrants from Tatarskaya Pishlya village of Saransk district. It is no coincidence that according to the revision lists for the years 1744 and 1762 there were several dozens of wives in Truevsky Peaks village. They had been brought by Truevtsy from Pishlya.

The information about the quantitative and personal composition of Truevsky Peaks villagers is found in the "Census book of service Tatars, Tatar and Mordovian murzas, yasak peasants, assigned to the State Kuvaevsky and Shtyrminsky distilleries of Saransk district for 1716". We discovered this source in RGADA.

40 families with 324 residents of both sexes are listed there [RGADA. F. 350. Op. 1. D. 357. L.

77–85 ob.]. Among the heads of families there is Roman murza Kodryakov, the son of Prince Mamin, murzas Roman and (I)Smail Tokhtarov, the sons of the Mamyshevs, Aydarmurza Tugushev, Syumbaymurza Derbyshev. Prince Roman Mamin had the spiritual title of abyz and was the eldest of the inhabitants of the village.

In 1701, in the neighboring upper reaches of the Canadei River, several dozens of Tatars from Pishlya village in Saransk district were granted land ownership. The list of migrants included Safar Kurmashev, Ibrai Romanov, Arslan Urasmametov, Murat Vergazin, Veisul Kuteev, Kurmai and Mosei Biktashev, Adei Ishteryakov, Bikbulat Urazgildeev, Toygildei Umryakov, Ishbulat Utyashev and others. After the first revision Yusupmurza Suleimanov, the son of Deushev, and Urazmametmurza Kelmashev, the son of Urazgildeev, arrived from Temnikovsky district.

Thus, the year of 1692 can be considered the date when Bolshoy and Maly Truevy villages were founded, the year 1701 – the date when Tatar Kanadey village was founded.

The story behind Inderka and Bestyanka villages of the same Kuznetsk district of Penza region turned out to be no less complicated, even confusing in a way. Located next to each other on the left bank of the River Sura at the confluence with the river Truev, these villages originate from the same root. The first settlement to appear was the one at the confluence of the river Inderka (Yendyrka) into the Sura. In official documents the settlement received a double name: Inderka, or Truevskaya Polyan.

Until recently we have had no doubts as of how to determine the date of Inderka village foundation. This was done basing on reports in such documents, as those ones stored in the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) in Moscow: the book of the 2nd revision (1743–1747) of the Uzinsk camp taxed population in Penza district, and petitions, pedigrees and other materials of the former Tatar murzas and princes, deposited in fund No. 19 – Saratov Province Nobiliary Assembly GASO. In the "Personalized book of Penza district of the 2nd revision" "Inderka, or Truevskaya Polyan", is marked as "the newly settled village" [RGADA. F. 350. Op. 2. D. 2545. L. 591]. In other words, it is clearly stated that the village appeared after the 1st revision, in the period between the 1st and 2nd revisions. This is confirmed in the materials of the case of murza Makhmut Ayupov, the son of Baishev and Tuktar Yusupov, the son of Mishkin, taken from the fund of the Saratov provincial

nobility assembly. It is stated there that their grandfathers Biktemir Alkaev and Bikmai Mikhailov went to Inderka from the village of Pishly of Saransk district in 1728 [GASO. F.19.Op.2]. The aforementioned Saratov ethnographer A. A. Golombievsky also considers that Inderka was founded some time after the 1st revision [Golombiyevsky, p.151–154].

Local ethnographers R. H. Abdullin and F. F. Abdullin in their book “Inderka and Indertsi” (published in 2017) wrote about the documents they had found in the Russian State Archive of Ancient Acts. These documents shed new and rather surprising light on the history of settling the village; perhaps, this information might even alter the established views to a large extent.

First of all, this concerns the excerpt from the rejection certificate dated May 16, 7193 “from the creation of the world”, according to which the Saransk serving murzas and Tatars Urazmametov murza Tepeev, Mamodei Urakaev, the son of Kuchakov and Baybahta Bibulatov, the Temnikovsky serving Tatar, the son of Berenetov, with brothers and comrades (63 people in total) were granted the land on the river Sura, in the area where the river Truev flows into it, in the place where the Inderka stream flows into the Sura [RGADA. F. 1335. Op. 2. D. 3303. L. 157–158.]. In total, 2550 quarters of land in the field and hay mowings for 10,200 hay mops¹ were granted.

Note that the year of 7193 from the creation of the world means the year of 1685 according to the Julian calendar. This adds more than 40 years to the age of Inderka village! Inderka turns out to be the same age with such Tatar villages of Kuznetsk region as Middle Yeluzan, Ust-Uza, Pendelka.

The boundaries of the Inderka serving murzas and Tatars were determined very approximately, as it usually happened. Nevertheless, it follows from the document that it was a very large area, stretching from the west to the east along the left bank of the Sura, between the rivers Inderka and Ameleya (Mileika) for about 10–12 versts (slightly more than 10–12 km). An easy calculation shows that

each of the 63 settlers got on average 180 tithes of land and hay mowings for 170 haymops, which was a generous reward.

It should be noted, however, that Inderka first settlers were less fortunate than their comrades from the mentioned villages. No sooner had they built up their yards in the village of Ust-Inderka that an attack from the village of Russian Truev or Epiphany, founded in October 1688, followed. The inhabitants of this village also began to claim the land along the Sura and the Truev, previously granted to the Tatars.

In order to understand the very essence of that situation, one should remember that just in 1685 the Moscow government decided to build a new guard line from Syzran to Penza. It was planned to build 4 towns on that line. One of them was supposed to be located near the confluence of the Truev into the Sura. It was called Turaev town, or Turaevskaya sloboda. When making a decision on building, the government based themselves on the consideration that “it should be at a distance from border watchmen and in such place that the serving people would be saved from the military people’s arrival”.

The town was built by the Cossacks from Simbirsky district. Being the member of Kuznetsk district territorial council, the local historian F. F. Chekalin, who had visited this place in 1886, made a plan and a description of the town. As is stated there, the town had a shape of a rectangle, surrounded by shafts and a ditch and resting one end in a deep ravine and the other one on a high hill on the river bank. In the town there were the Epiphany Church, a customs hut, a voivode’s yard, 264 courtyards of Cossacks and peasants [Chekalin].

In compliance with the 1686 decree of the tsars Ivan Alekseevich and Peter Alekseevich Romanovs, the construction of the named line was stopped. Cossacks from Truevskaya sloboda, headed by Pankrat Prosvirnitsyn, were invited to settle behind the Sura in Simbirsk district. In all likelihood, not all of them wanted to leave their warm homes, so they began to claim the Tatars’ lands. Approximately half a mile south of the town a village was founded by the Cossacks and peasants, which received the name of Russian Truev, or Epiphany. In the petition filed in the order of Kazan Palace in 1691 the serving murzas and the Tatars complained that the Cossacks “not only had taken the possession of their land, but had also burned their Tatars’ courtyards” [Abdullina R. H., Abdullina F. F., p.10].

¹ The transfer of measuring the land area in quarters, adopted in medieval Russia, into a modern hectare system causes great difficulty. Let’s assume that at that time the land was provided on the basis of “a quarter in the field”, and “a v dvu po tomuzh”, that means two more fields of the same size according to the three-field farming system in Russia, that is, in fact, three quarters, or about 1.5 tithes. So, it turns out that the first settlers of Inderka received 7650 quarters or about 11475 acres. (One tithe is equal to approximately 1 ha).

Many Moscow grandees and orderly people set eyes on the comfortable lands on Truevskaya Polyan, rich with soil, forest, water and meadows. In 1689 the clerk Ivan Feryadkin was granted 70 quarters of the land "from the mouth of the Truev and going up the Sura". Later on, the Russian village Tarlakovo the 1st appeared there [Chekalin, l. 131–135 ob.].

In 1685–1692 the lands in the Sursk forest from the mouth of the Truev and upwards with a total area of 360 quarters in the field were granted to the steward Ivan Ogarev, Vasily Durasov, Andrei Krechetnikov and four other landowners. By 1701 all these lands had been bartered by Prince Boris Alekseevich Golitsyn, the tutor of the young Tsar Peter Alekseevich. Here, in close proximity to the cottages of the Inderka Tatars, the large Russian village of Nikolskoe emerged [Chekalin, l. 136ob.].

It is not entirely clear how the dramatic story of the Inderka Tatars developed at this time. It is difficult to say whether all Tatars left for their old estates and villages in Saransky, Insarsky, Temnikovsky districts or a certain number of households continued to exist near the mouth of the Inderka.

Further research will obviously shed light on this question. One thing is beyond doubt: the history of Inderka dates back to 1685, it is associated with murza Urasmamet Tepeev and his comrades. There is no doubt that among the settlers of the period between the 1st and 2nd revisions there were descendants of those that received the land and hay mowings in 1685. Among the migrants of the 1720s there were people from the Tatar villages of Saransk district, namely Aksenovo, Pishlya, Reitarskaya, Tavly, Sverbeyka, Umys, Urledim, etc. The second group was comprised of people from the Tatar villages of Temnikovsky district, namely Kovzleyka, Yunka, Adaev, Endovishche, Shurbino, Shustrova and others. There were also residents of the nearby villages of the Uzinsky camp, that is, from Upper and Lower Yeluzan, Kuncherino, Ust-Uza, etc. There was even one representative of the village Shatyrshan of Simbirsky district – Tereberdey Abdulvagapov, the son of Chapkaev [RGADA. F. 350. Op. 2. D. 2545. L. 591-604].

The largest number of immigrants – 75 people – came from Aksenovo village of Saransk district. Then there were people from Pishlya (69 people) and Krivozeriye (32 people) of the same Saransk district. The list of immigrants from the village Krivozeriye includes the names of Museymurza Umryakov, the son of Tepeev, 55 years old and

Suleiman murza Umryakov, the son of Tepeev, 60 years old [Ibid.]. Surely, they maintained close relationships with Urasmamet murza Tepeev. It is quite possible that Urasmamet and Umryak were brothers.

By the time of the 2nd revision Inderka had become a fairly large settlement with 345 males living there [Ibid., L. 598]. They made up 94 families. In addition to the Tepeev brothers the group the settlers included also murza (H)Asan Ibrayev, the son of Prince Bogdanov, and Seit Ibrayev, the son of Prince Bogdanov. They moved from the village of Reitarskaya of Saransk district [Ibid., L. 591–604]. Davyd murza (H)Asanov, the son of Prince Akchurin, and his family moved to Truevskaya glade from the village of the Kuncherovo-Uzinsky camp. The 80-year-old Kuramsha Arslanov, the son of Prince Akchurin and Mukhamet murza Beglov with his brother Mustai arrived from Adaeva village of Temnikovsky district. Ulubekmurza Bekbaev, the son of Uteshev, moved from Viryasi village of the same district. The sons of Rezep Mamaev, the son of Tutakaev, from Shurbino village of Temnikovsky district and Abdul Budaleev, the son of Kutyev, from Shustraya village of the same district [Ibid.] also added to the list of murzas.

Thus, a whole colony of representatives of princely and Murzin clans was formed in Inderka: the Akchurins, the Bogdanovs, the Beglovs, the Tepeevs, the Uteshevs, etc. They settled somewhat away from the main village, at the confluence of the River Yendyrka into the Sura. For a long time this settlement was mentioned in documents under the name Ust-Inderka or Usmanovka (obviously, after the name of Usman, one of the Prince Davyd Akchurin's sons).

Representatives of Baish Kudayarov's murzin clan from Pishlya village should also be added to the abovementioned list.

The grandson of Baish Biktemir Alkaev (Alkeev) settled in the village of Inderka. In 1745, Biktemir was 75 years old [Ibid., L. 591–591ob.]. For some reason, he did not indicate his murzin origin. However, at the end of the 18th century, when the former Tatar princes and murzas received the right to restore their noble dignity, the grandchildren and great-grandchildren of Biktemir presented their ancestry, coming from murza Baish Kudayarov to the Saratov nobility meeting. Relevant petitions were filed by Ayup Ermaev, the son of Baishev (1793) and Makhmut Ayupov, the son of Baishev (1799) [GASO. F. 19. Op. 2. D. 78. L. 33, 49]. Toktar Yusupov, the grandson of the

serving Tatar-Bekmay Mikhailov, addressed the Saratov nobility assembly on the same issue [Ibid., L. 33, 61]. Subsequently, large Inderka landowners named Mishkins came out of this generation.

Thus, by the time of the 2nd revision, Inderka was already a rather large settlement. Its population was a kind of a “national team” of 26 Tatar villagers of Saransky, Insarsky, Penza, Temnikovsky, Simbirsky districts. In terms of language and everyday life, they belonged to the Temnikovsky group of the Tatar-Mishars.

Administratively, the majority of the Tatar villages in the area were part of the Uzinsky camp of Penza district. According to the revision tales of 1845, there were 23 of them. Over 4,200 males lived there [RGADA. F. 35. Op. 2. D. 2545.]. In addition, the villages of Truevo Peaks and Chirkley belonged to the Zasursky camp of Saransk district.

As for Bestyanka village, it was founded in 1766 when the brothers Shaip and Yakup Bikmavev were sent from the village of Inderka to their estates. The eldest one, Shaip, was 36 years old at that time, the youngest one, Yakup, was 26 years old. They moved to the farthest end of Inderka land, about 10 kilometers from the main village, next to the rivers Bestyanka and Amelei. According to the 4th census of 1782, the families of the brothers accounted for 23 people, including 13 men and 10 women [GASO. F. 28. Op. 1. D. 27. L. 553]. The choice of residence happened to be so fortunate that by the time of the 5th revision (1795) there were 40 yards with 342 inhabitants in Bestyanka village.

The absolute majority of the Tatar villages of the former Uzinsky camp were later incorporated into Kuznetsky district of the Saratov governorship formed in 1780. Some of them were incorporated into the neighboring Petrovsky district of the same governorship. Memories of the ancestors' common service in the Russian Reiter regiments, surviving friendly and family ties, as well as joint economic activities in a new place, intensive communication in one language, customs and beliefs — all of these contributed to the formation of the Kuznetsk Tatars-Mishars ethno-territorial group.

In the 19th century the number of the Kuznetsk Tatars grew at a rather rapid pace, having reached 30 thousand people by 1885 [Collection of statistical data on Saratov province, p. 180]. At the same time a part of this population migrated to the Trans-Volga steppes of Saratov province and more southern areas. Influential entrepreneurs came from the group of the Kuznetsk Tatars: the Agishevs, the Baishevs, the Deberdeevs, the Mish-

kins, spiritual leaders the Akchurins, the Engalychevs, the Mamins, the Mamyshevs, the Melzetdinovs and others. In the first decades of the 20th century the Kuznetsk Tatars gave to the Tatar nation such prominent people as a writer Adel Kutui, a playwright and a theater director Karim Tinchurin, scholars Fatih Bakhteev and Shigap Ramazanov, a politician Mikdat Brundukov and many others.

References

- Abdullina, R. Kh., Abdullina F. F. (2017). *Inderkai-indertsy* [Inderka and Its Residents]. 266 p. Penza. (In Russian)
- Chekalin, F. F. *Ostatki drevnikh zemlianykh sooruzhenii v predelakh Kuznetskogo uezda Saratovskoi gubernii* [Remains of Ancient Earthen Structures within the Kuznetsk District of the Saratov Province]. GASO. F. 407. Op. 2. D. 851. (In Russian)
- GASO (*Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti*) [State Archive of the Saratov Region].(In Russian)
- Golombievskii, A. A. (1893). *Uzinskii stan Penzенskogouezda. Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Uzinsky Camp of the Penza District. Works of the Saratov Scientific Archive Commission]. T. IV. Vyp. 2-I, pp. 129–170. Saratov.(In Russian)
- Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh* (2015) [The History of the Tatars from Ancient Times in Seven Volumes]. Tom V. Tatarskii narod v sostave Rossiiskogo gosudarstva (vtoriaia polovina XVI – XVIII vv.). 1032 p. Kazan'.(In Russian)
- Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh* (2013) [The History of the Tatars from Ancient Times in Seven Volumes]. Tom VI. Formirovanie tatarskoi natsii. XIX – nachalo XX v. 1032 p. Kazan'. (In Russian)
- Khabibullin, A. A. (2017). *Altata – tatarskoe selo v stepnom Zavolzh'e* [Altata – a Tatar Village in the steppe Volga Region]. 436 p. Saratov, Nauka. (In Russian)
- Makhmutova, L. T. (1978). *Opyt issledovaniia tiurkskikh dialektov (misharskii dialekt tatarskogo iazyka)* [The Experience of Studying Turkic Dialects (the Mishar Dialect of the Tatar Language)]. 272 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Mardanov, R. T., Kitaeva N. B. (2006). *Sredniaia Eliuzan': Stranitsy istorii samogo krupnogo tatarskogo sela Rossii* [Middle Yeluzan: The Pages of the History of the Largest Tatar Village in Russia]. 296 p. Kazan'. (In Russian)
- Mukhametova, R. G. (1972). *Tatary-mishari* [Mishari Tatars]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Mukhametova, R. G. (2016). *Tatary-mishari. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Mishari Tatars. Historical and Ethnographic Research]. Kazan'. (In Russian)
- Orlov, A. M. (2001). *Nizhegorodskie tatary* [Nizhny Novgorod Tatars].242 p. N. Novgorod, izd-vo Nizhegor. un-ta. (In Russian)

Polesskikh, M. R. (1997). *Drevnie poseleniya Verkhnego Posurya I Primokshaniya* [Ancient Settlements of Upper Posurya and Primokshanya]. 88 p. Penza, Privilzhskoe kn. izd-vo. (In Russian)

Rashitov, F. A. (2018). *Tatarskie sela na Vereshinakh Trueva i Kanadeia* [Tatar Villages on the Peaks of Truev and Kanadey]. 180 p. Saratov. (In Russian)

RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts]. (In Russian)

Sbornik statisticheskikh svedenii po Saratovskoi gubernii [Collection of Statistical Data on the Saratov Province]. (1891). Tom X, 895 p. Kuznetskii uezd. Saratov. (In Russian)

Tatary (2001) [The Tatars]. 583 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ КУЗНЕЦКОЙ ГРУППЫ ТАТАР-МИШАРЕЙ

Фрид Айниевич Раширов,

Саратовский социально-экономический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»,
Россия, 410003, г. Саратов, ул. Радищева, д. 89,
rashfa@mail.ru.

Рассматриваются конкретно-исторические обстоятельства и события, связанные с расселением в конце XVII – первой трети XVIII века служилых татар и мурз из Темниковского, Пензенского, Инсарского, Саранского и других уездов в Верхнем Посурье, на реках Кадада, Уза, Труев и др. Главное внимание уделено истории образования деревень Труевские вершины, Татарский Канадей, Индерка и Бестянка. Проведенный анализ дает основания для вывода о том, что уже к середине XVIII века на названной территории образовалась особая этническая группа татар-мишарей, которая в дальнейшем получила название *кузнецкой*. В XIX – первой трети XX века данная группа занимала заметное место в татарской общине Саратовской губернии.

Ключевые слова: татары-мишари, кузнецкая группа, ревизии, Узинский стан.

Мишари являются одним из субэтносов этнотERRиториальной группы волго-уральских татар [Татары, с. 14–16]. Формирование мишарей как этнической общности происходило на территории, которая получила название Мещеры или Мещерской земли.

Этногенез данной общности ряд исследователей связывают с тюркоязычными племенами буртасов и древних кипчаков [Полесских], [Махмутова], [Мухамедова], [Орлов]. Хронологически это относится к XI–XII вв. Завершение данного процесса относится, по мнению исследователей, к позднему золотоордынскому и постзолотоордынскому периоду (XV–XVI вв.).

На всем протяжении времени между названными датами в Мещере происходили этнические процессы, в которых участвовали многочисленные тюркоязычные, угро-финские и славянские племена и народности. На мещерские земли претендовали, оказывали влияние соседние средневековые государства: Хазарский каганат, Волжская Булгария, Киевская Русь. В XIII–XIV вв. эти земли находились под полным контролем татарского государства Зо-

лотая Орда. Здесь на реке Мохше ханом Узбеком был создан особый улус, а город Наручад / Мохша стал центром чеканки монет.

В условиях начавшегося со второй половины XIV века ослабления Золотой Орды, а впоследствии раздробления и распада ее произошло проникновение в бассейны рек Цны, Мохши и др. представителей ордынской знати. Источники называют имена Бахмета Усеиновича Ширинского, Тагая, Секизбека, Бехана. Последний владел городом Темников и землями вокруг него. Пришельцы смешались с жившими здесь местными тюрками: буртасами, можарами, кипчаками.

Примерно в это же время (во второй половине XIV – XV в.) происходила активная колонизация края русскими. За сравнительно короткое время местное население (мордва, татары-мишари) оказались на Мещере в меньшинстве [Мухамедова, с. 32]. Татарские князья были вынуждены вступать в контакты с соседними русскими княжествами – Рязанским и Московским. С образованием в конце XV в. единого Русского (Московского) государства эти кон-

такты приобретали для татарских князей вассальный характер. В середине XV в. на среднем течении Оки по воле московских князей возникло вассальное татарское государство – Касимовское ханство. Московское государство старалось привлечь на свою сторону татарских князей Мещеры. Они использовались для защиты южных и юго-восточных границ русского государства. Их привлекали на службу, наделяли дополнительными угодьями, передаваемыми по наследству поместьями. Иван Грозный в XVI в., исходя их политических соображений, приглашал даже татарских феодалов из Большой Ногайской орды.

Служилые татары Мещеры очень пригодились России в защите ее наиболее уязвимых южных рубежей. Они участвовали в строительстве основанной в 1578 г. засечной линии, которая шла вдоль реки Алатырь через Темников до Кадомской заставы, а также в обеспечении сторожевой службы по линии Алатырь – Арзамас – Темников.

Работа по защите южных рубежей государства с активной экспанссией в «дикое поле» особенно усилилась начиная с тридцатых–сороковых годов XVII в. На огромной территории между городами на среднем течении Волги (Тетюши, Симбирск) и крепостями на реках Цна, Мокша было построено несколько пограничных сторожевых линий. Служилые татары из Темникова и Кадома принимали в этом деле самое активное участие. На этих линиях им выделялись поместья и оброчные земли. Близ Керенска, Инсара, Саранска, Карсунса, Симбирска появились десятки татарских деревень.

Новый этап расселения татар-мишарей на свободных землях к югу от Мещеры связан со строительством новой черты – от города Сызрани на Волге к Пензе на реке Сура. Город Сызрань был основан в 1683 г. Строили его «деловцы» из Казани, Тетюшей, Симбирска, Чебоксар и других мест.

В 1685 г. последовал указ юных царей Ивана и Петра Романовых строить «за старою Симбирскою и Карсунскою чертою для обереганья от приходу воинских людей новую черту от Казачьих гор (близ Сызрани – Ф. Р.) до Тураева городища и до реки Суры на 70 верстах 342 сажени и по той черте сделать 4 городка». К строительству были приписаны тысячи «работных по-сопных людей» и «деловцев» из многих северных уездов Среднего Поволжья. Их собрали в Сызрани. На другом конце «черты» на Суре строился Тураев городок. Среди этой массы лю-

дей было много служилых татар из Темникова, Кадома, Инсара, Саранска, Касимова.

В 1886 г. прежний указ был отменен, работы на черте прекратились. Довели до конца лишь строительство городков Кашир близ Сызрани (1687 г.) и Тураев (1689 г.). Пригнанные на строительство служилые татары получили на этой черте и к югу от нее («за валом») землю в виде прибавки к старым поместьям на родине в Темниковском, Кадомском, Саранском, Симбирском и других уездах либо в виде новых окладов. При этом они должны были приискать «порозжую землю» в диком поле сами, а после этого обратиться с челобитной в Москву о передаче этой земли во владение.

Начало раздачи земель на поместном праве на верхнем течении реки Суры, на ее притоках Труев, Кадада, Уза и других относятся к восьмидесятым годам XVII в., то есть как раз ко времени строительства черты Сызрань – Тураев городок.

Служилые татары занимались этим делом, объединившись в группы по 40–50–60 человек. Это позволяло им сразу же по получении дарственной грамоты заселиться в одном месте, основать свою деревню и начать обработку угодий. При этом поселения получались моноэтнические.

Самым ранним поселением татар-мишарей в данном районе является деревня Елюзань на реке Кадада, левом притоке Суры. Жалованная грамота «на порозжие земли дикого поля» была выдана темниковцам Алмамету мурзе Акмаметову сыну Дулатову, Араслану Акбулатову сыну Илевлееву, саранским служилым татарам Мустаю Исмаилову сыну Курмашеву и Бикчураку Булатову с «братьею и с товарищами», всего 41 человеку, 5 сентября 7190 г. – в 1682 г. по юлианскому календарю [Марданов, с. 59–60]. В последующем на этих землях образовались три татарские деревни: Нижняя, Средняя и Верхняя Елюзани.

В следующем, 1683 году, у впадения реки Узы в Суру саранскими служилыми татарами была основана деревня, получившая название Усть-Уза.

Спустя два года, в 1685 году, группа темниковских татар и мурз из 88 человек во главе с Алеем мурзой Смольяновым сыном Бичуриным и Семенеем мурзой Ишеевым сыном Еникеевым получили поместья в Пензенском уезде на реке Кадада с притоками Кряжим и Тютнарь [ГАСО. Л. 5–6 об.]. Здесь возникла деревня Пенделка.

Щедрые пожалования служилым мурзам и татарам порожних земель продолжались и в последующие годы. В освоении земель этого некогда глухого угла участвовали также русские дворяне и крестьяне, мордва и чуваши. Возникли несколько десятков сел и деревень, из которых образовали Узинский стан Пензенского уезда. Ко времени 1-й ревизии податного населения Российской империи в Узинский стан входили 13 татарских деревень [Голомбиевский]. В период между 1-й и 2-й (1743–1747 гг.) ревизиями в этом районе появилось еще 8 татарских деревень. В конце XVIII в. абсолютное большинство этих деревень вошло в состав Кузнецкого уезда образованного в 1780 г. Саратовского наместничества (с 1797 г. – Саратовская губерния). Татарское население этого и соседнего Петровского уездов Саратовской губернии специалисты определяют как кузнецкую группу татар-мишарей [Мухамедова, с.47].

Далее мы попытаемся рассмотреть некоторые конкретно-исторические особенности процесса образования названной этнотERRиториальной группы на примере нескольких татарских сел нынешнего Кузнецкого района Пензенской области. Данная тема относится к числу слабоизученных в татарской историографии. В V томе семитомного академического труда «История татар с древнейших времен» в параграфе, посвященном теме «ЭтнотERRиториальные и этнокультурные группы татар и их взаимодействие» (автор Д. М. Исхаков), в составе волго-уральских татар XVI–XVII вв. выделена этническая общность татар-мишарей. Однако, как видно из содержания 1-й главы III раздела, посвященного расселению татар в Волго-Уральском регионе и Сибири в XVIII в., анализ этнических процессов в Мещере ограничивается в основном Темниковским, Кадомским, Шацким, Саранским, Симбирским уездами. Что же касается южных районов Пензенского уезда, то автор главы (Д. М. Исхаков) не идет дальше констатации того факта, что «уже в начале XVIII в. в этих местах (по рекам Уза, Кадада и др. – Ф. Р.) существовали более десятка татарских поселений» [История татар.., 2015, с. 300]. Названы несколько из этих поселений: Кунчево, Бигеево, Демино, Пенделка. И все! О формировании кузнецкой группы татар-мишарей нет и речи. О татарских поселениях к югу от Сызрани, на реках Терешка, Избалык, Кулатка, не сказано ни слова! А ведь здесь в том же XVIII в. образовалась довольно значи-

тельная хвалынская (кулаткинская) группа татар-мишарей.

Упущения своих коллег попытались в какой-то мере исправить авторы VI тома, посвященного истории татар в XIX – начале XX в. В параграфе, повествующем о татарской колонизации Нижнего Поволжья (авторы В. Викторин и Л. Арсланов), приведены некоторые сведения, касающиеся основания в начале XVIII в. ряда татарских деревень будущих Кузнецкого и Петровского уездов Саратовской губернии: Верхней, Средней и Нижней Елюзаней, Усть – Узы, Яковлевки, Старого Вершаута, Татарской Пакаевки [История татар..., 2013, с.106]. Но, к сожалению, это отрывочные и неполные сведения, а в некоторых случаях – и неточные. Ошибочным, в частности, является утверждение, что деревню Яковлевку основали выходцы из деревни Елюзань. В действительности это были выходцы из деревни Кунчево. Не соответствует также действительности сообщение о том, что деревню Алтату в степном Заволжье основали в 1840 г. выходцы из деревни Усть – Уза Петровского уезда [Там же]. В ревизия податного населения, проведенная в 1795 г., зарегистрировала в деревне Алтата Саратовского уезда 120 лиц мужского пола, и абсолютное большинство из них были переселенцами из деревень Атлаш и Мостяк Хвалынского уезда, а также из деревень Большие Труевские вершины и Большой Чирклей Кузнецкого уезда [Хабибуллин, с. 30–31]. Были среди них и выходцы из деревни Усть – Уза.

Главный недостаток подхода названных авторов к истории кузнецких и хвалынских татар-мишарей состоит в том, что они рассматривают данные этнотERRиториальные группы не как особый, самостоятельный предмет исследования, а лишь как некий промежуточный, вспомогательный момент в анализе приоритетной для них проблемы – миграции татарского населения из северных уездов на низовья Волги и образования астраханской группы татарской нации.

Иную картину мы видим в работах, специально посвященных татарам-мишарям ([Махмутова], [Мухамедова], [Орлов]). Так, Р. Г. Мухамедова в своей монографии предпослала главам с сугубо этнографическим содержанием краткий, но весьма интересный и содержательный историко-этнографический очерк [Мухамедова, с. 25–28]. В приложениях читателям предложен перечень татаро-

мишарских населенных пунктов в Правобережье Средней Волги [Там же, с. 279–282].

Трудно переоценить значение для татаро-мишарской историографии появившихся в последнее время историко-краеведческих работ, посвященных отдельным татарским селам. Среди последних можно назвать книги З. А. Абузярова – о селе Алеево Неверкинского района Пензенской области, Р. Т. Марданова и Н. Б. Китаевой – о селе Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области, Р. Х. Абдуллиной и Ф. Ф. Абдуллиной – о селе Индерка Сосновоборского района Пензенской области. Автор настоящих строк недавно издал книгу по истории сел Большой и Малый Труевы и Татарский Канадей Кузнецкого района Пензенской области [Рашитов].

Для реализации задачи данного исследования мы использовали документы, обнаруженные нами в Российском архиве древних актов (РГАДА) и Государственном архиве Саратовской области (ГАСО). Особую ценность представляют материалы 2-й, 3-й (1862–1863 гг.) и 4-й (1782 г.) ревизий. Объектом нашего внимания выступают деревни Большие и Малые Труевские вершины, Татарский Канадей, Индерка, Бестянка Кузнецкого уезда Саратовского наместничества.

В Российском государственном архиве древних актов обнаружена отказная грамота, из которой следует, что в 7200 (1692) году группа татар из Саранска и Темникова «были челом» великим московским государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу с просьбой «отказать» им порожнюю землю в урочищах на реках Труевой и Канадей. Среди просителей значились Бибакай Бухтин из Саранска и Бикмаметка Алиев с товарищами из Темниковского уезда [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6506. Л. 157–158]. В другом документе, датируемом 30 декабря 7202 (1694) года, речь идет о посылке подьячего Саранской приказной избы Луки Попова на реки Труев и Канадей для обследования урочищ в связи с челобитной саранских и темниковских татар [Там же, л. 159–161]. Обнаружен также документ, датируемый декабрем 1700 года, об обмене пожалованными земельными владениями между темниковцами Мамадаеем Кудабердеевым из деревни Ендовище и Асаном Исмаиловым из деревни Исенские Полянки. Указано, что променное место Мамадаея находилось на «Труеве речке с вершин по лесу на низ по Труеву правая сторона до Евлашева рубежа и по Моховому болоту правая же сторона и по иным

урочищам» [Там же, л. 163–164]. За 25 рублей Мамадаей отдавал Асану 25 четей в поле, «а в дву по тому ж, с сенными покосами и с дворовою усадьбою, и с огородным и с гуменным местом...» [Там же, л. 163–163 об.].

Из названных документов следует, что поиск темниковскими и саранскими татарами порожней земли в урочищах на вершинах Труева и Канадея, испомещение их на этих землях охватили период с 1692 года по 1700 год. Когда появились здесь дома и дворовые постройки первопоселенцев; трудно сказать, можно лишь предположить, что переселение жителей татарских деревень Темниковского, Инсарского, Саранского уездов на вновь пожалованную землю происходило не одномоментно, а постепенно и завершилось в основном летом 1700 г.

Отметим, что вся работа по обследованию урочищ и испомещению татар на Труеве и Канадее проводилась через Саранскую приказную избу. Среди переселенцев было много выходцев из деревни Татарская Пишля Саранского уезда. Неслучайно в ревизских сказках по деревне Труевские Вершины за 1744 и 1762 годы зафиксированы несколько десятков жен, взятых труевцами из Пишли.

Сведения о количественном и персональном составе жителей деревни Труевские Вершины содержатся в обнаруженной нами в РГАДА «Книге переписной служилых татар, татарских и мордовских мурз, ясачных крестьян, приписанных к казенным Кубаевским и Штырминским винокуренным заводам Саранского уезда» за 1716 год.

В ней зафиксированы 40 семей с 324 жителями обоих полов [РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 357. Л. 77–85 об.]. Среди глав семейств мы видим Романа мурзу Кодрякова сына князя Мамина, мурзу Романа и (И)Смаила Тохтарова сыновей Мамышевых, Айдара мурзу Тугушева, Сюмбая мурзу Дербышева. Князь Роман Мамин имел духовное звание абыза и являлся старшим над жителями деревни.

В 1701 г. по соседству, в верховьях речки Канадей, получили земельные владения несколько десятков татар из деревни Пишля Саранского уезда. Среди переселенцев были Сафар Курмашев, Ибраил Романов, Арслан Уразмаметов, Мурат Вергазин, Вейсуль Кутеев, Курмай и Мосей Бикташевы, Адей Иштеряков, Бикбулат Уразильдеев, Тойгильдей Умряков, Ишбулат Утяшев и др. После первой ревизии из Темниковского уезда прибыли Юсуп мурза

Сулейманов сын Деушев и Уразмамет мурза Келмашев сын Уразгильдеев.

Таким образом, датой основания сел Большой и Малый Труевы можно считать 1692 год, села Татарский Канадей – 1701 год.

Не менее сложной, где-то даже запутанной, оказалась история появления сел Индерка и Бестянка того же Кузнецкого района Пензенской области. Расположенные по соседству друг с другом на левом берегу реки Сура, у впадения в нее речки Труев, эти села происходят из одного корня. Первым появилось поселение у впадения в Суру речки Индерки (Ендырки). В официальных документах поселение получило двойное название: «Индерка, Труевская Поляна тож».

До последнего времени дату основания деревни Индерка мы уверенно определяли по сообщениям в таких документах, как хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве Книга 2-й ревизии (1743–1747) податного населения Узинского стана Пензенского уезда и отложившиеся в фонде № 19 – Саратовское губернское дворянское собрание ГАСО – прошения, родословные и другие материалы бывших татарских мурз и князей. Так, в «Книге именная Пензенского уезда 2-й ревизии» «Индерка, Труевская Поляна тож», обозначена как «новопоселенная деревня» [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2545. Л. 591]. То есть четко указано, что деревня появилась после 1-й ревизии, в период между 1-й и 2-й ревизиями. На это же указывают материалы дела мурз Махмута Аюпова сына Баишева и Туктара Юсупова сына Мишкина из фонда Саратовского губернского дворянского собрания. Здесь написано, что их деды Биктемир Алкаев и Бикмай Михайлов перешли в Индерку из деревни Пишля Саранского уезда в 1728 г. [ГАСО. Ф. 19. Оп. 2]. Вышеупомянутый саратовский краевед А. А. Голомбиевский также относил время основания Индерки после 1-й ревизии [Голомбиевский, с. 151–154].

Местные краеведы Р. Х. Абдуллина и Ф. Ф. Абдуллина в опубликованной в 2017 г. книге «Индерка и индерцы» сообщили нам о найденных ими в Российском государственном архиве древних актов документах, которые вносят новые, можно даже сказать, неожиданные штрихи в историю заселения села и даже, может быть, заставят внести серьезные корректизы в устоявшиеся представления. Речь прежде всего идет о выписи из отказной грамоты от 16 мая 7193 года «от сотворения мира», по ко-

торой саранским служилым мурзам и татарам Уразмаметову мурзе Тепееву, Мамодею Уракаеву сыну Кучакову и темниковскому служилому татарину Байбахте Бибулатову сыну Беренетову с братьями и с товарищами, всего 63-м человекам, были пожалованы земли на реке Суре, в районе впадения в нее реки Труев, в месте, где ручей Индерка впадает в Суру [РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3303. Л. 157–158.]. Всего было пожаловано 2550 четвертей земли в поле и сенных покосов на 10200 копен².

Отметим, что 7193 год от сотворения мира означает 1685 год по юлианскому календарю. Данный факт увеличивает возраст села Индерка более чем на 40 лет! Индерка оказывается ровесницей таким татарским селам Кузнецкого района, как Средняя Елизань, Усть-Уза, Пенделка.

Границы владений индерских служилых мурз и татар были определены, по обыкновению, весьма приблизительно. Тем не менее из документа следует, что это была очень большая территория, протянувшаяся с запада на восток, вдоль левого берега Суры, между речками Индерка и Амелей (Милейка), на 10–12 верст. Нетрудный подсчет показывает, что каждому из 63-х поселенцев доставалось в среднем по 180 десятин земли и сенных покосов на 170 копен. Это было щедрое вознаграждение!

Следует, однако, отметить, что индерским первопоселенцам повезло меньше, чем их товарищам из названных деревень. Не успели они отстроиться дворами в деревне Усть-Индерка, как пришла напасть со стороны основанного в октябре 1688 г. села Русский Труев, «Богоявленское тож». Жители этого села также стали претендовать на пожалованные ранее татарами земли по Суре и Труеву.

Для того чтобы вникнуть в суть создавшейся тогда ситуации, следует вспомнить, что как раз в 1685 г. московским правительством было принято решение построить новую сторожевую линию от Сызрани к Пензе. На этой линии планировалось построить 4 городка. Один из них

² Перевод принятой в средневековой России меры измерения площади земли в четвертях на современную погектарную систему представляет большую трудность. Если исходить из того, что земля представлялась в те времена из расчета «четверть в поле, а в дву потому ж», то есть фактически три четверти, а это составляло примерно 1,5 десятины, то получается, что первопоселенцы Индерки получили 7650 четвертей, или около 11475 десятин. Напомним: одна десятина приблизительно равняется 1 га.

должен был расположиться недалеко от впадения Труева в Суру. Он так и назывался—Тураев городок, или Труевская слобода. Принимая решение о строительстве, правительство исходило из того соображения, что «от засечных сторожей не в близких местах и на нем служилым людям для сбережения от прихода воинских людей быть пристойно».

Городок строили казаки из Симбирского уезда. Побывавший в 1886 г. на этом месте член Кузнецкой уездной земской управы историк-краевед Ф. Ф. Чекалин оставил нам план и описание городка. По его сообщению, городок представлял окруженный валами и рвом прямоугольник, упирающийся одним концом в глубокий овраг, другим в высокий холм на берегу реки. В городке находились церковь Богоявления, таможенная изба, воеводский двор, 264 двора казаков и крестьян [Чекалин].

По указу 1686 г. царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича Романовых строительство названной линии было прекращено. Казакам из Труевской слободы во главе с Панкратом Прозирнициным было предложено поселиться за Сурою в Симбирском уезде. Но, по всей вероятности, не все они захотели выехать с насиженного места и стали претендовать на земли татар. Примерно в полуверсте к югу от городка казаками и крестьянами было основано село, получившее название «Русский Труев, Богоявленское тож». В челобитной, поданной в приказ Казанского дворца в 1691 г., служилые мурзы и татары жаловались, что казаки «не только землею их завладели, но и дворы их татарские пожгли» [Абдуллина Р. Х., Абдуллина Ф. Ф., с. 10].

На удобные, богатые земельными и лесными угодьями, водой и лугами земли на «Труевской поляне» «положили глаз» и многие московские вельможи и приказные люди. В 1689 г. были пожалованы 70 четвертей земли «в поле, а две потому ж» подьячему Ивану Ферядкину «от устья Труевой вверх идучи по Суре». В дальнейшем здесь возникло русское село «Тарлаково 1-е» [Чекалин, л. 131–135 об.].

В 1685–1692 гг. были пожалованы земли в Сурском лесу от устья Труевой вверх стольнику Ивану Огареву, Василию Дурасову, Андрею Кречетникову и еще четырем помещикам общей площадью 360 четвертей в поле, а в дву потому ж. До 1701 г. все эти земли были выменяны воспитателем юного царя Петра Алексеевича князем Борисом Алексеевичем Голицыным. Здесь в непосредственной близости к да-

чам индерских татар возникло большое русское село Никольское [Чекалин, л. 136 об.].

Как развивалась в это время драматическая история с индерскими татарами, не совсем понятно. Уехали ли все татары на свои старые поместья и селения в Саранском, Инсарском, Темниковском уездах или какое-то число дворов продолжали существовать вблизи устья Индерки, трудно сказать.

Дальнейшие исследования, очевидно, прояснят свет на этот вопрос. Несомненно одно: история Индерки берет начало с 1685 года, она идет от мурзы Уразмамета Тепеева и его товарищей. Среди переселенцев периода между 1-й и 2-й ревизиями были, очевидно, потомки тех, кто получал земли и сенные покосы в 1685 г. Среди переселенцев 1720-х годов мы видим выходцев из татарских деревень Саранского уезда: Аксеново, Пишля, Рейтарская, Тавлы, Свербейка, Умыс, Урледим и др. Вторую группу составили выходцы из татарских деревень Темниковского уезда: Ковзлейки, Юнки, Адаево, Ендовище, Шурбино, Шустровой и др. Были здесь жители близлежащих деревень Узинского стана: из Верхней и Нижней Елозаней, Кунчерино, Усть-Узы и др. Был даже один представитель деревни Шатыршан Симбирского уезда – Теребердей Абдулвагапов сын Чапкаев [РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2545. Л. 591–604].

Самое большое число переселенцев дала деревня Аксеново Саранского уезда – 75 человек. На втором месте – Пишля (69 человек), на третьем – Кривозерье (32 человека) того же Саранского уезда. В списке переселенцев из деревни Кривозерье мы обнаружили имена Мусея мурзы Умрякова сына Тепеева, 55-ти лет, и Сулаймана мурзы Умрякова сына Тепеева, 60-ти лет [Там же]. Скорее всего, они имели близкое отношение к Уразмамету мурзе Тепееву. Вполне возможно, Уразмамет и Умряк были родными братьями.

Ко времени 2-й ревизии Индерка была довольно крупным поселением. В нем насчитывалось 345 душ мужского пола [Там же, л. 598]. Они составляли 94 семейства. Кроме братьев Тепеевых, среди переселенцев были также мурзы (Х) Асан Ибраев сын князя Богданова и Сеит Ибраев сын князя Богданова. Они переехали из деревни Рейтарской Саранского уезда [Там же, л. 591–604]. Из деревни Кунчево Узинского стана на Труевскую поляну переселился Давыд мурза (Х) Асанов сын князь Акчурин с семейством. Из деревни Адаевой Темниковского уез-

да прибыли 80-летний Курамша Арсланов сын князь Акчурин и Мухамет мурза Беглов с братом Мустаем. Из деревни Вирясы того же уезда переселился Улубек мурза Бекбаев сын Утешев. Список мурз пополнили также сыновья Резепа Мамаева сына Тутакаева из деревни Шурбино Темниковского уезда и Абдул Будалеев сын Кутыев из деревни Шустрой того же уезда [Там же].

Таким образом, в Индерке образовалась целая колония из представителей княжеских и мурzinских родов: Акчурини, Богдановы, Бегловы, Тепеевы, Утешевы и др. Они поселились несколько в стороне от основной деревни, у впадения реки Ендырки в Суру. Это поселение долгое время в документах фигурировало под названием «Усть-Индерка, Усмановка тож» (очевидно, по имени одного из сыновей князя Давыда Акчурина Усмана).

К приведенному списку следовало бы также добавить представителей мурzinского рода Баиша Кудеярова из деревни Пишля. В деревне Индерке поселился внук Баиша Биктемир Алькаев (Алькеев). Биктемиру в 1745 г. было 75 лет [Там же, Лл. 591–591 об.]. По какой-то причине он не указал свое мурzinское происхождение. Однако в конце XVIII в., когда бывшие татарские князья и мурзы получили право восстановить свое дворянское достоинство, внуки и правнуки Биктемира представили в Саратовское дворянское собрание свою родословную, идущую от мурзы Баиша Кудеярова. Соответствующие прошения были поданы Аюпом Ермаевым сыном Баишевым (1793) и Махмутом Аюповым сыном Баишевым (1799) [ГАСО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 78. Л. 33, 49]. По тому же вопросу в Саратовское дворянское собрание обратился внук служилого татарина Бекмая Михайлова Токтар Юсупов [Там же, л. 33, 61]. В последующем из этого рода вышли крупные индерские землевладельцы Мишкины.

Таким образом, ко времени 2-й ревизии Индека была уже довольно крупным поселением. Его население представляло собой своеобразную «сборную команду» из жителей 26 татарских деревень Саранского, Инсарского, Пензенского, Темниковского, Симбирского уездов. По языку и бытовым устоям они относились к темниковской группе татар-мишарей.

Административно большинство татарских деревень данного района входили в Узинский стан Пензенского уезда. По ревизским сказкам 1845 г. их насчитывалось 23. В них проживало свыше 4200 человек мужского пола [РГАДА.

Ф. 35. Оп. 2. Д. 2545.]. Кроме того, деревни Труевские вершины и Чирклей относились к Засурскому стану Саранского уезда.

Что касается деревни Бестянки, то она образовалась в 1766 г. в результате выделения из деревни Индерки на свои поместья родных братьев Шаипа и Якупы Бикмаевых. Старшему, Шаипу, было в то время 36 лет, младшему, Якупу, 26 лет. Переселились они на самый дальний конец поместной земли Индерки, примерно в 10 километрах от основной деревни, на речках Бестянка и Амелая. По 4-й переписи 1782 г. в семьях братьев насчитывалось 23 человека, из них 13 мужчин и 10 женщин [ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 27. Л. 553]. Выбор места жительства оказался настолько удачным, что уже ко времени 5-й ревизии (1795) в деревне Бестянке имелось 40 дворов с 342 жителями.

Абсолютное большинство татарских сел бывшего Узинского стана вошло в дальнейшем в состав образованного в 1780 г. Кузнецкого уезда Саратовского наместничества, некоторая часть – в состав соседнего Петровского уезда того же наместничества. Воспоминания об общей службе предков в российских рейтарских полках, сохранившиеся дружеские и родственные связи, дополненные совместной хозяйственной деятельностью на новом месте, интенсивным общением на одном языке, обычаях, верованиях, – все это способствовало формированию этнотERRиториальной группы кузнецких татар-мишарей.

В XIX в. численность кузнецких татарросла довольно быстро темпами, достигнув к 1885 г. 30 тысяч человек [Сборник статистических сведений по Саратовской губернии, с. 180]. При этом происходила миграция части этого населения в заволжские степи Саратовской губернии и более южные районы. Из среды кузнецких татар вышли крупные предприниматели Агишевы, Баишевы, Дебердеевы, Мишкины, духовные лидеры Акчурини, Енгалычевы, Мамины, Мамышевы, Мельзетдиновы и другие. В первые десятилетия XX в. кузнецкие татары дали татарской нации таких выдающихся людей, как писатель Адель Кутуй, драматург, театральный режиссер Карим Тинчурин, учёные Фатих Бахтеев и Шигап Рамазанов, политический деятель Микдат Брундуков и др.

Литература

Абдуллина Р. Х., Абдуллина Ф. Ф. Индерка и индерцы. Пенза, 2017. 266 с.

Голомбиевский А. А. Узинский стан Пензенского уезда / Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1893. Т. IV. Вып. 2-й. С. 129–170.

ГАСО (Государственный архив Саратовской области).

История татар с древнейших времен в семи томах. Том V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). Казань, 2015. 1032 с.

История татар с древнейших времен в семи томах. Том VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань, 2013. 1032 с.

Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978. 272 с.

Марданов Р. Т., Китаева Н. Б. Средняя Елюзань: Страницы истории самого крупного татарского села России. Казань, 2006. 296 с.

Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М.: Наука, 1972. 248 с.

Мухаметова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. Казань, 2016.

Орлов А. М. Нижегородские татары. Н. Новгород: изд-во Нижегород. ун-та, 2001. 242 с.

Полесских М. Р. Древние поселения Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволжское кн. изд-во, 1997. 88 с.

Рашитов Ф. А. Татарские села на Вершинах Труева и Канадея. Саратов, 2018. 180 с.

РГАДА (Российский государственный архив древних актов).

Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Том X. Кузнецкий уезд. Саратов, 1891. 895 с.

Татары. М.: Наука, 2001. 583 с.

Хабибуллин А. А. Алтата – татарское село в степном Заволжье. Саратов: Наука, 2017. 436 с.

Чекалин Ф. Ф. Остатки древних земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда Саратовской губернии // ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 851.

МИШЭР ТАТАРЛАРЫНЫң КУЗНЕЦК ТӨРКЕМЕ ФОРМАЛАШУ ТАРИХЫНА

Фрид Гайни улы Рәшитов,

Г. В. Плеханов ис. Россия икътисад университетының
Саратов социаль-икътисад институты (филиал),
Россия, 410003, Саратов ш., Радищев ур., 89 нчे йорт,
rashfa@mail.ru.

Мәкаләдә Темников, Пенза, Инсар, Саранск һәм башка өязләрдән йомышлы татарлар һәм морзаларның XVII гасыр ахыры – XVIII йөз башында Югары Сурада, Кадада, Уза, Труев һ.б. елга яр буйларына тараалып урнашуы белән бәйле конкрет тарихи хәлләр һәм вакыйгалар карала. Төп игътибар Ялгаш (Труевские вершины), Татар Кынадысы (Татарский Канадей), Госман (Индерка) һәм Гөл-Бостан (Бестянка) авылларының барлыкка килү тарихына юнәлдерелә. Анализ эйтеп утелгән территориядә XVIII гасыр уртасында ук мишәр татарларының алга таба кузнецк дигән атама алган аерым бер этник төркеме формалашуы хакында нәтижә ясарга мөмкинлек бирә. XIX гасыр – XX йөз башында әлеге төркем Саратов губернасының татар җәмгыятендә билгеле бер урын алыш тора.

Төп төшөнчәләр: мишәр татарлары, кузнецк төркеме, ревизияләр, Уза станы.